

МЕСТО НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ БИБЛЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия
кандидат филологических наук
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
доцент кафедры библеистики Московской духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* Место нарративного анализа в контексте библейских исследований // Богословский вестник. 2023. № 3 (50). С. 42–71. DOI: 10.31802/GB.2023.50.3.002

Аннотация

УДК 27-277.2 (82.01/09)

Настоящая статья представляет собой обзор современных научных методов в рамках библейских исследований. Внимание автора сосредоточено на литературном подходе к тексту Священного Писания и, в первую очередь, на такой его разновидности, как нарративный анализ. Автор предпринимает попытку классификации подходов к библейскому тексту. В её основу положена коммуникативная модель Р. Якобсона, на оси репрезентации которой располагаются исторические методы, а на оси коммуникации — литературные. В свою очередь, дифференцировать литературные подходы помогают базовые элементы коммуникативной триады: «автор», «текст», «читатель». Учитывая сосредоточенность исследователей на том или ином компоненте, выделяются подходы объективные (структурализм) и прагматические (риторический анализ и критика читательского отклика). Благодаря своим методологическим принципам нарративный анализ занимает среднее положение между этими подходами: учитывая его интерес к повествовательным структурам текста, можно считать нарративный анализ объективным методом; а учитывая его заинтересованность в образе подразумеваемого читателя — методом прагматическим.

Ключевые слова: библеистика, литературный анализ, структурализм, метод читательского отклика, риторический анализ, нарративный анализ.

The Place of Narrative Analysis in the Context of Biblical Studies

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Biblical Studies at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. "The Place of Narrative Analysis in the Context of Biblical Studies". *Theological Herald*, no. 3 (50), 2023, pp. 42–71 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.50.3.002

Abstract. This article is an overview of modern scientific methods in the framework of biblical research. The author's attention is focused on the literary approach to the text of the Holy Scripture and, first of all, on such a variety of it as narrative analysis. The author attempts to classify approaches to the biblical text. This classification is based on R. Jacobson's communicative model, on the axis of representation of which historical methods are located, on the axis of communication – literary ones. In turn, the basic elements of the communicative triad help to differentiate literary approaches: «author», «text», «reader». Taking into account the focus of researchers on one or another component, objective approaches (structuralism) and pragmatic approaches (rhetorical analysis and criticism of the reader's response) are distinguished. Due to its methodological principles, narrative analysis occupies a middle position between these approaches: given its interest in the narrative structures of the text, it can be considered an objective method, given its interest in the image of the implied reader, a pragmatic method.

Keywords: biblical studies, literary analysis, structuralism, method of reader response, rhetorical analysis, narrative analysis.

Приимерно с середины XX в. в западной библеистике возрастает интерес к литературной организации Священного Писания. Формируются различные подходы к анализу библейского текста, в рамках которых он рассматривается, в том числе как один из памятников мировой литературы. Отдельная задача, которая стоит перед учёным-библеистом, желающим учесть в своём исследовании достижения современной библейской науки, — уметь ориентироваться в этом массиве информации. Настоящая статья посвящена решению этой задачи. В ней предлагается обзор литературных подходов к Библии, а также определяется место, которое занимает среди них нарративная критика, один из самых продуктивных методов литературного анализа священного текста.

1. История возникновения литературной критики

С самого появления научных (рациональных) подходов к изучению Писания в эпоху Возрождения Библия изучалась преимущественно как исторический документ: как летопись священной истории, сборник богооткровенных истин, руководство для повседневной жизни. Безусловно, в фокус исследования христианских экзегетов и позднейших учёных попадали и литературные особенности Священного Писания. Так, например, блж. Иероним изучал поэтику библейского текста в свете поэтики классической литературы, уделяя внимание такому её разделу, как стихосложение.

«Что может быть музыкальнее Псалтири, которая по образцу нашего Флакка (Горация) или греческого Пиндара то струится ямбом, то кружится алкеевой строфой, то увеличивается до сапфической строфы, или движется полустопами. Что может быть прекраснее, чем гимны Второзакония или Исаии? Что более торжественно, нежели Соломон, более отточено, чем Иов? Все эти книги, как писали о том Иосиф и Ориген, живут по закону гексаметра и пентаметра»¹.

Свт. Григорий Богослов останавливает внимание на стилистике Священного Писания. По его словам,

1 *Hieronymus. Interpretatio Chronicae Eusebii Pamphili cui subjecta sunt continenter fragmenta quae exstant operis graeci // PL. 27. Col. 36A. См.: Kugel J. L. The Idea of Biblical Poetry: Parallelism and Its History. New Haven (Conn.), 1981. P. 152.*

«Писание часто олицетворяет многие даже и бездушные вещи, например, “*море говорит*” то и то (Ис. 23, 4) и “*бездна говорит: не во мне она*” (Иов. 28, 14); также “*небеса*” представлены “*поведающими славу*” Божию (Пс. 18, 1) и мечу повелевается нечто (Зах. 13, 7), горы и холмы вопрошаются о причинах взывания (Пс. 113, 6)»².

Прп. Ефрем Сирин в толковании на Книгу Бытия также оперирует литературоведческими понятиями. Это помогает ему интерпретировать слова Писания: «*И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло*» (Быт. 3, 22а), как содержащие в себе иронию. По его словам, здесь

«Бог открывает тайну Святой Троицы, но вместе посмеивается Адаму, напоминая сказанное змием: “*будете как боги, знающие добро и зло*”»³.

Свою оценку давал литературным особенностям Писания и блж. Августин. Сравнивая библейские книги с классическими произведениями, он находил их грубыми и неуклюжими. В своей «Исповеди» он пишет:

«Оно показалось мне недостойным даже сравнения с достоинством Цицеронова стиля»⁴.

Однако главным предметом исследования литературность Библии становится лишь в XX в. Это связано с рядом тенденций как в светской гуманитарной науке, так и в самой библеистике. Укажем на основные из них.

Гуманитарная наука. Процессы, которые происходили в библейской науке, тесным образом связаны с общей тенденцией развития гуманитарных исследований. В первой половине XX века в сфере

- 2 *Gregorius Nazianzenus. Oratio XXX. Theologica quarta. De Filio 2 // PG. 36. Col. 105A:8–13. Рус. пер.: Григорий Богослов, свт. Слово 30, о богословии четвёртое, о Боге Сыне второе // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1. Санкт-Петербург, [1912]. С. 429. [Приводится в современной орфографии с незначительными изменениями].*
- 3 Сир.: CSCO. 152. Т. 71. Р. 45:17–20. Лат. пер.: *Ephraem Syrus. In Genesim commentarii II, 34 // CSCO. 153. Т. 72. Р. 35:1–3: «etsi in mysterio revelabat Trinitatem, (Deus) tamen ridebat Adam cui dictum erat: Eritis sicut Deus scientes bonum et malum».* Рус. пер.: *Ефрем Сирин, прп.* Толкование на Книгу Бытия // *Ефрем Сирин, св.* Творения. Т. 6. Москва, 1995. [Сергиев Посад, 1901]. С. 249. [Приводится в современной орфографии с незначительными изменениями].
- 4 *Augustinus Hipponensis. Confessiones III, 5, 9 // PL. 32. Col. 686: «sed visa est mihi indigna quam Tullianae dignitati compararem».* Рус. пер.: *Августин, блж.* Исповедь III, 5, 9 // *Августин, блж.* Исповедь / пер. М. Е. Сергеев. Санкт-Петербург, 2013. (Литературные памятники). С. 34.

гуманитаристики происходит так называемый лингвистический поворот. Его суть заключается в том, что фокус исследований сместился с объекта внеязыковой реальности на язык, при помощи которого этот объект реальности описывается. В некотором смысле происходит абсолютизация языка. Эти настроения выражены в знаменитом высказывании М. Хайдеггера: «Язык — дом бытия». Среди прочих проблем учёные большое внимание уделяют проблеме референции: как высказывание о действительности соотносится с самой действительностью; и шире: как язык соотносится с реальностью. Исследователи приходят к выводу, что язык — не только средство коммуникации, но особая самостоятельная область, отличная от реально происходящего. Язык живёт и функционирует по собственным законам и проявляет себя практически во всех сферах человеческой жизни. И зачастую исследователю доступен лишь язык, который заменяет собой реальность.

На фоне этих важных процессов возникает новое осмысление того, что есть текст, в том числе, что есть произведение словесного искусства и как его следует изучать. Если в XIX в. и начале XX в. в рамках литературоведческих исследований учёные обращались к реальности, которая стоит за текстом (будь то биографический автор или культурно-исторический и социальный контекст), то теперь фокус смещается на сам текст.

В рамках литературоведения в 1940-х гг. возникает течение под названием Новая критика. Её представители утверждают, что ключ к интерпретации текста находится не за текстом, а в нём самом. Например, нет необходимости знать детали биографии Ф. М. Достоевского, а также подробности написания романа «Преступление и наказание», чтобы постичь его смысл. Более того, эта информация может помешать интерпретации. Произведение необходимо прочитывать и понимать на его собственных условиях. Намерения биографического автора не имеют для этого никакого значения. Ценность литературного текста в нём самом.

Именно в рамках этой методологической установки сформировалось понятие о подразумеваемом авторе. Читатель реконструирует его в ходе повествования: после прочтения рассказа у нас всегда формируется представление о том, кто его написал. Мы можем судить о мировоззрении и мировосприятии этого человека, его аксиологической парадигме. Так, например, у нас не будет сомнений, что автор романа «Идиот» — христианин, а «Ключи Царства» написаны католиком,

то есть текст говорит сам за себя. Он же предлагает верную стратегию своего понимания.

Развитие этой концепции привело к многим важным выводам. Оказывается, точка зрения подразумеваемого автора может расходиться с системой ценностей биографического автора или же образ автора может меняться от произведения к произведению одного и того же писателя. Эта категория является важной для работы с анонимными произведениями или с теми, которые формировались на протяжении долгого времени (например, эпос): мы ничего не знаем о том человеке, который их написал, но мы имеем достаточно информации для реконструкции образа подразумеваемого автора, который всегда можно идентифицировать и описать.

Библеистика. К XX столетию в библейских исследованиях доминирует так называемый историко-критический метод. Это целый спектр подходов, основная цель которых заключается в том, чтобы реконструировать жизнь и мышление библейских авторов при помощи объективного научного анализа библейского материала. Здесь можно упомянуть о трёх наиболее значимых.

- 1) Критика источников (а также критика традиций): выявление письменных (и устных) источников, использованных библейскими авторами при составлении произведений.
- 2) Критика форм: определение единиц предания, а также той роли, которую они могли занимать в жизни общины верующих («Sitz im Leben» — место в жизни) до того, как вошли в окончательный вариант текста.
- 3) Критика редакции: выявление богословия и замысла библейских авторов посредством наблюдения за тем, как они редактировали свои источники и систематизировали отдельные единицы предания.

Общее стремление учёных, которые использовали в исследованиях указанные подходы, — проследить эволюцию библейских преданий от момента их зарождения в определённый период истории до момента их фиксации в форме конкретного библейского текста.

На определённом этапе развития библейской науки у исследователей возникло недовольство такой стратегией изучения Писания. Тому есть ряд причин.

Безусловно, большое влияние на библеистов оказала светская гуманитарная мысль, для которой на определённом этапе развития

(лингвистический поворот) историческая действительность превратилась из объекта исследования, источника достоверной информации в «X»: какие бы усилия ни приложил учёный к реконструкции исторической действительности, результат его работы всегда останется реконструкцией гипотетической.

Кроме того, другие памятники древней письменности изучались не только как исторические документы, но и как наследие мировой литературы. Например, древнегреческий эпос изучали, с одной стороны, историки, которые рассматривали его как источник информации об Античности; с другой, те же произведения Гомера оказывались в фокусе внимания филологов. Учёные стремились определить замысел «Илиады» и «Одиссеи», анализировали образы персонажей, временную и пространственную организацию произведения, особенности развития сюжета, композицию и, наконец, влияние этого текста на читателей. На фоне этих усилий библейские исследования, которые ограничивались лишь историческими штудиями, выглядели однобоко.

Указывая на эту проблему, исследователи ставили закономерный вопрос⁵: а не следует ли сначала осмыслить эти тексты на их собственных условиях, прежде чем рассматривать их как свидетельства чего-то ещё? Впервые этот вопрос прозвучал в полную силу в 1968 г. в Обществе библейской литературы в докладе Д. Мьюлинберга «Критика форм и не только»⁶. Это событие стало краеугольным камнем для целостного литературного подхода к изучению Писания. Не отрицая достижений и огромного вклада в библейскую науку критики форм, Д. Мьюлинберг утверждал, что недостаточно работать с отдельными перикопами, необходимо двигаться дальше. По его словам, Библия (он говорил прежде всего о Ветхом Завете) имеет высокую литературную ценность и необходимо больше внимания уделять изучению стиля библейского повествования, а также многим другим литературным аспектам Писания.

Однако встаёт вопрос: можно ли изучать Писание как любое другое литературное произведение? Ведь существует принципиальная разница между художественной литературой и библейским текстом: если первые фикциональны, то для верующего читателя библейские повествования в большей степени фактуальны. Иначе говоря, существует очевидная разница между романами Л. Н. Толстого, которые, используя исторический материал, всё же остаются вымыслом, и Евангелиями, в случае которых верующий читатель не подвергает сомнению фактологическую

5 См.: *Petersen N. Literary Criticism for New Testament Critics*. Philadelphia (Pa.), 1978. P. 20.

6 См.: *Muilenburg J. Form Criticism and Beyond // JBL*. 1969. № 1 (88). P. 1–18.

реальность даже сверхъестественных событий. Уже в первой половине XX в. Э. Авербах в работе «Мимесис: репрезентация действительности в западной литературе» подготовил почву для ответа на этот вопрос. Сопоставив и проанализировав повествовательный дискурс произведений мировой классики и Библии, он пришёл к выводу, что библейское повествование можно изучать в соответствии с канонами общей литературной критики. Священное Писание репрезентирует действительность по тем же законам, что и фикциональные тексты. Прежде всего, это становится очевидно на уровне повествовательного дискурса. Яркий пример находим в эссе «Рубец на ноге Одиссея» — первом из вышеупомянутой монографии. Здесь Э. Авербах сопоставляет дискурс произведений Гомера и рассказа о жертвоприношении Исаака. Так, постепенно, в рамках библейских исследований наметилась тенденция к анализу текста Священного Писания не только как исторического документа, но и как произведения словесного искусства.

Обобщая усилия исследователей в этом направлении, Р. Олтер даёт такое определение литературному анализу:

«Под литературным анализом я имею в виду тщательное и всестороннее изучение языка в его художественном употреблении. Сюда относятся комбинации идей, условности, настрой, звучание, образность, синтаксис, нарративные стратегии, композиция и многое другое; иными словами, речь идёт о наборе исследовательских приёмов, с помощью которых изучалась поэзия Данте, пьесы Шекспира и романы Толстого»⁷.

2. Литературный анализ и историческая критика

Марк Пауэл указывает в монографии на основные особенности литературного подхода к Священному Писанию, которые отличают его от традиционного историко-критического анализа⁸.

7 Alter R. *The Art of Biblical Narrative*. New York (N. Y.), 1981. P. 12–13.

8 См.: Powel M. *What is Narrative Criticism?* Minneapolis (Minn.), 1990. P. 7–9.

2.1. Литературный анализ сосредоточен на окончательной форме текста

Историко-критическое исследование заинтересовано в том, какую эволюцию прошло библейское предание, прежде чем его зафиксировали в виде текста. Например, критика источников (а также критика традиций) занимается определением и оценкой письменных (и устных) источников, лежащих в основе тех или иных книг Библии. Критика форм заинтересована в том, в какой жанровой форме бытовала отдельная перикопа, прежде чем её включили в рамки конкретного повествования. Критика редакций интересовалась и первым, и вторым, чтобы оценить, какую роль сыграл библейский автор на заключительном этапе сочинения текстов, а именно: стремилась выявить его редакторский вклад в формирование окончательного варианта повествования.

Литературный анализ не отрицает эти наблюдения, однако для него не имеет значения, в каком виде появился и существовал тот или иной фрагмент рассказа о событиях священной истории на раннем этапе своего формирования. Его целью является интерпретация текста в его законченном виде.

2.2. Литературный анализ подчёркивает единство текста

В исторической критике отдельные книги Библии рассматриваются как сборники перикоп, объединённых в единое связанное повествование позднейшим редактором. Зачастую именно эти отдельные единицы предания и являются предметом анализа. Особенно ярко это проявляется в критике источников и критике форм. Здесь делается попытка интерпретировать отдельные высказывания или даже истории изолированно от их более широкого библейского контекста. Несмотря на то, что критика редакций делает акцент на единстве окончательного текста, значительно больше внимания она уделяет сравнению конкретного отрывка с его параллелями в других книгах. Однако при этом игнорируется то, как этот отрывок связан с другими эпизодами в рамках конкретного повествования.

Литературный анализ не расчленяет текста. Он сосредоточен на выявлении тех нитей, с помощью которых ему сообщаются единство и связанность. А потому отдельные отрывки интерпретируются с точки зрения их вклада в историю в целом, а целое понимается через части, из которых оно состоит.

2.3. Литературный анализ рассматривает текст как самоцель

Историческая критика рассматривает текст в качестве средства, помогающего ей реконструировать историческую действительность за текстом, а именно: эволюцию взглядов религиозной общины, в рамках которой возникает и бытует текст, а также внешние и внутренние факторы, повлиявшие на этот процесс.

Литературный анализ ставит иную цель. Его задача — понять повествование, опираясь на те маркеры, которые оно предлагает.

Исследователи демонстрируют эту разницу при помощи метафоры окна и зеркала⁹. Для представителей исторической критики текст — окно, через которое критик пытается увидеть иной мир. Для представителей литературного подхода текст — это зеркало. Анализ является погружением в повествование, а понимание — результатом встречи читателя с самим текстом.

Здесь уместно вспомнить теорию коммуникативных функций языка, предложенную Р. Якобсоном. Среди прочих (эмотивная, фатическая, конативная, метакоммуникативная) он выделяет поэтическую и референтивную функции. Поэтическая функция обозначает направленность внимания адресата на сообщение ради самого сообщения. Иными словами, это сосредоточенность на форме текста. Референтивная функция обозначает, что наше высказывание — это всегда высказывание о чём-то, сообщение всегда имеет предмет. Иными словами, референтивная функция отвечает на вопрос «что?» (о чём говорит текст), поэтическая — на вопрос «как?» (как говорит текст). Применяя теорию коммуникативных функций к нашей теме, можно сказать, что литературный анализ имеет дело с поэтической функцией языка, в то время как исторический — с референтивной.

Это означает, что представители литературного анализа могут оценивать повествование вне зависимости от того, насколько правдоподобно оно отражает реальную действительность. Здесь нет оценки с точки зрения историчности. Оценка события осуществляется с точки зрения его уместности в контексте повествования, поэтому, например, здесь в принципе не стоит вопрос о реальности/нереальности любых проявлений духовного мира, которые могут составлять проблему для историков. Для представителя литературного подхода важно лишь то, какой вклад вносят эти элементы в историю, а также то, как они влияют на читателей. При этом важно отметить, что литературный анализ

9 См.: *Powel M. What is Narrative Criticism?* Minneapolis (Minn.), 1990. P. 8.

не отрицает референтивной функции библейского текста, то есть не рассматривает священную историю как сборник мифов, легенд или сказок. Скорее, исследователи намеренно дистанцируются от этих вопросов и сосредотачивают внимание именно на таком явлении как литературность текста.

2.4. Литературная критика основана на коммуникативных моделях теории речевого акта

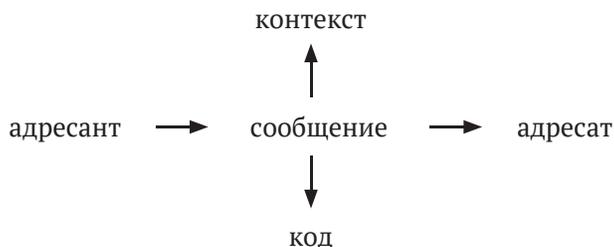
Представители исторического подхода опираются в своих исследованиях на эволюционную модель. Текст Писания, по их мнению, — результат стадийного развития предания, его окончательная форма. Интерпретация текста — процесс, направленный на выявление этих стадий и их анализ в обратном направлении с целью реконструировать изначальную, гипотетическую ситуацию. Схематично это можно изобразить следующим образом:

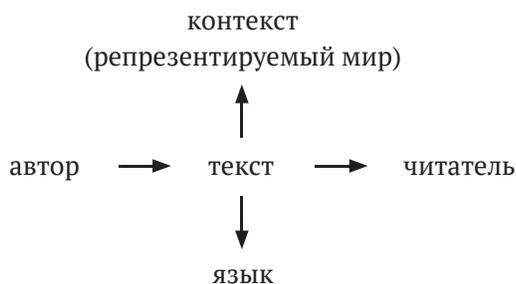
Представители литературного анализа опираются на иную модель, заимствованную из теории коммуникации. Это модель речевого акта, которая была предложена Романом Якобсоном в его работе «Лингвистика и поэтика». По мнению учёного, любая вербальная коммуникация — это отправление сообщения от адресанта к адресату. Эти три элемента формируют первичную триаду акта коммуникации.

Допустим, у нас есть сообщение: твоё яблоко красное. Для того чтобы его понять, адресат должен знать, что такое яблоко и что такое красный цвет. Иными словами, для понимания необходима информация, которую предоставляет контекст (необходимо видеть, с какими именно объектами реальности (референтами) соотносится текст).

Помимо этого, адресат должен различать фонемы. Например, должен понимать, что «красное» отлично от «классное» или «влажное», а «яблоко» от «облако», то есть ему должен быть известен лингвистический код сообщения, используемый адресантом.

Эта модель и была перенесена на литературное произведение. Адресант — это автор, сообщение — текст произведения, адресат — читатель, контекст — та информация о мире, которая содержится в этом произведении, код — язык, на котором оно написано:

Как мы видим, эта схема имеет две оси. Первую, вертикальную, ось называют миметической, или же осью репрезентации, поскольку она включает в себя репрезентацию мира, которую предлагает литературное произведение, используя определённый лингвистический код. Вторая, горизонтальная, ось — риторическая, или ось коммуникации. Она характеризует отношение, которое возникает между автором и читателем посредством литературного произведения. Если для исторической критики исследование располагается на оси репрезентации (в первую очередь от контекста к тексту), то представители литературного анализа обращают внимание прежде всего на риторическую ось: текст является промежуточным компонентом в акте коммуникации.

3. Литературные подходы

Литературный анализ — это обширная область, охватывающая широкий спектр различных методологий. Отдельная задача, стоящая перед исследователями, — выявить определённые тенденции среди большого разнообразия литературоведческих подходов к Писанию. Подобная систематизация может следовать нескольким принципам. Один из них — сосредоточенность на определённом типе дискурса. По сути, речь идёт о жанровом принципе классификации.

Так, например, считается, что систематическое изучение Библии как литературы началось с изучения поэзии (ведь она более организована и искусственна, чем проза). В конце XVIII в. профессор Оксфорда Роберт Лаут написал знаковый труд по еврейской поэзии, в котором он уделяет особое внимание таким явлениям, как параллелизм, метр, а также разнообразным поэтическим приёмам¹⁰. Позже учёные стали обращаться к другим жанрам Писания. К слову, импульс этому придали представители историко-критической школы. Именно Герман Гункель, один из основоположников критики форм, ввёл понятие литературной формы библейского текста, подчёркивал необходимость определения её места в жизни (*нем.* *Sitz im Leben*) общины, обратив таким образом внимание научного мира на то, как важно идентифицировать жанр текста в процессе толкования.

В данной статье будет использоваться подход, который предложил М. Абрамс в книге «Зеркало и светильник»¹¹. Он пытается навести порядок в хаосе различных теорий и подходов к тексту художественного произведения. Для этого в основу систематизации он предлагает положить вышеупомянутую модель речевого акта Романа Jakobsona. Если литературный текст — форма коммуникации, при помощи которой сообщение о реальности (фактуальное или же фикциональное) передаётся от автора к читателю, то каждый из подходов по-своему понимает, каким образом компоненты коммуникативные модели взаимодействуют друг с другом, а также каждый подход назначает в качестве предмета исследования какой-то один из этих компонентов. В соответствии с этим М. Абрамс выделяет четыре основных типа анализа литературного произведения. По его мнению, все существующие

10 См.: *Lowth R. Lectures on the Sacred Poetry of the Hebrew.* London, 1835.

11 См.: *Abrams M. H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition.* New York (N. Y.), 1958.

школы могут рассматриваться как представители одного, или более, из этих четырёх типов.

- 1) Миметические (исторические). Представители этого направления рассматривают литературное произведение как отражение внешнего мира или человеческой жизни. В их задачу входит оценка того, насколько истинно и точно в тексте представлена внетекстовая реальность.
- 2) Экспрессивные (автороцентричные). Представители этих школ сосредоточены на фигуре биографического автора. Смысл текста, по их мнению, напрямую связан с его фигурой, а потому задачу своего исследования они видят в том, чтобы определить, насколько адекватно произведение выражает взгляды и характер автора.
- 3) Объективные (текстоцентричные). Это подходы, ориентированные на сам текст. Литературное произведение для них — самодостаточный мир, который необходимо понимать на его собственных условиях.
- 4) Прагматические (читателецентричные). Представители этих направлений делают акцент на взаимодействие текста и аудитории, которой он адресован.

Как уже было сказано, М. Абрамс предложил свою классификацию для исследований в области светской литературы. Однако её можно применить и для разнообразных направлений в рамках библейских исследований. Эту попытку предпринял Д. Бартон, который в статье под названием «Классификация библейской критики»¹² адаптировал модель М. Абрамса для нужд библейской критики. Подобное находим и у М. Пауэла¹³, по словам которого первый (миметический) и второй (экспрессивный) типы соотносятся с историко-критическими методами и располагаются на оси репрезентации (миметической) коммуникационной модели. Третий (объективный) и четвёртый (прагматический) — собственно литературные методы, которые располагаются на риторической оси. Самые яркие из них — структурализм, риторическая критика, нарративный анализ и критика читательского отклика¹⁴.

12 См.: Barton J. *Classifying Biblical Criticism* // JSOT. 1984. № 29. P. 19–35.

13 См.: Powell M. *What is Narrative Criticism?* P. 11–12.

14 Для сравнительного анализа этих движений также см.: Powell M. *Types of Readers and Their Relevance for Biblical Hermeneutics* // TSR. 1990. № 12. P. 19–34.

1. Структурализм представляет собой разновидность объективной (текстоцентричной) критики. Он был разработан в 1950-х и 1960-х гг. во Франции. Это попытка анализировать произведение литературы с точки зрения современной лингвистической теории. Своими корнями этот подход восходит к русскому формализму, классический образец которого представляет работа Владимира Проппа «Морфология волшебной сказки». В ней В. Пропп на материале ста сказочных историй показал: несмотря на то, что персонажи и действия, которые они совершают, различаются, функции этих персонажей и их действия, по сути, одинаковы. Всего В. Пропп выявил тридцать одну функцию, которые почти всегда повторяются в рамках сюжета в одной и той же последовательности. Эта последовательность остаётся неизменной даже при условии, что некоторые из функций будут отсутствовать. Таким образом он, по сути, описал грамматику сказки, а именно её событийный синтаксис.

Структуралистские исследования не ограничиваются тем, что исследуют синтагматические связи между элементами повествования. В их задачу входит и выявление парадигматических отношений. Можно провести аналогию с нотной партитурой. Полнота скрытой в ней гармонии открывается не только при её чтении слева направо, но и при чтении сверху вниз. Ведь для того, чтобы составлять единую гармоническую единицу, все звуки произведения на всех его уровнях должны соотноситься друг с другом.

Структурные связи существуют на разных уровнях текста. Некоторые из них синтаксические, некоторые логические, некоторые коннотативные и т. п. В свою очередь, эти уровни находятся в динамическом взаимодействии, накладываются один на другой. Текст, таким образом, состоит из уровней смысловых конгломератов, систем знаков. Каждый из этих уровней определённым образом так или иначе соотносится со всеми другими. Задача исследователя выявить эти «глубинные структуры», понять, как именно они организованы и как они связаны между собой, что в итоге образует стройную систему.

Стратегической целью структурной критики в литературоведении является создание «грамматики литературы». Исследователи исходят из того, что произведение функционирует по определённым правилам, которым автор нередко следует неосознанно. Это похоже на то, как большинство носителей языка не имеет чётких знаний о правилах, управляющих их речью, тем не менее мы говорим и понимаем друг друга в акте коммуникации. Точно так же и литература следует

определённым соглашениям, которые понятны участникам общения. Отсюда следует, что значение текста находится в его глубинных структурах, а не в намерениях автора или в восприятии читателя. Как автор, так и читатель могут до конца не понимать грамматику литературы. Анализируя текст, структуралисты стремятся стать полностью компетентными читателями, которые могут понимать работу так, как не понимал даже биографический автор.

Метод структурного анализа стал активно использоваться и в контексте исследований Священного Писания. Так, например, при помощи структурного анализа Д. Пэйт выявляет основные элементы, лежащие в основе понятия «вера» в Евангелии от Матфея¹⁵. По его мнению, оно определяется через ряд таких бинарных оппозиций, как «новое» и «старое» (см. Мф. 9, 16.17), «слово» и «дело» (см. Мф. 23, 2.3), которые соотносятся друг с другом на парадигматическом уровне. Структурный метод используется и для анализа нарратива (синтагматический уровень). Так, например, при рассмотрении истории об исцелении тещи Петра акцент делается на пространственной организации повествования: женщина лежала, а потом встала; Иисус подошёл, а горячка отступила. Эти оппозиции, по мнению структуралистов, формируют матрицу дискурса, выявление которой помогает нам лучше понять смысловые акценты истории.

2. Риторическая критика

В основе этого направления лежит риторическая теория. Корнями она уходит в Античность. По словам выдающегося оратора древности Цицерона, цель речевого высказывания тройка: «Убеждать, улаживать, увлекать»¹⁶. Отсюда и основная цель риторической критики — выяснить, как именно речь оказывает подобное влияние на слушателя.

Ещё Аристотель сформулировал теорию, согласно которой существует три вида риторических высказываний и, соответственно, три вида речей: судебные, совещательные и эпидейктические, то есть

15 См.: Patte D. The Gospel According to Matthew: A Structural Commentary on Matthew's Faith. Philadelphia (Pa.), 1987. См. его же обзор структуралистского подхода к Новому Завету: Structural Exegesis for the New Testament Critics. Minneapolis (Minn.), 1989.

16 Cicero. Ad M. Brutum Orator 21, 69 // Cicero. Orator ad M. Brutus / ed. K. W. Piderit. Leipzig, 1876. P. 65:13 – 66:1: «ut prebet, ut delectat, ut flectat»; M. Tullii Ciceronis Orator: Als Ersatz der Ausgabe von Otto Jahn / hrsg. W. Kroll. Berlin, 1913. Рус. пер.: Цицерон. Оратор 21 (69) // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва, 1972. См.: URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777005#065>

торжественные¹⁷. Каждая из них для того, чтобы оказать необходимое оратору воздействие на аудиторию, использует определённые типы композиции, разновидности аргументов и особый стиль. Риторическая критика стремится изучить эти элементы для того, чтобы выявить механизмы эффективности речи.

В отличие от структуралистов, представители данного направления при анализе выходят за пределы текста. Одной из важных категорий для них является понятие риторической ситуации. Необходимо знать как можно больше об обстоятельствах высказывания и о целевой аудитории, которой оно адресовано. Эти факторы являются ключевыми для возникновения дискурса в том виде, в котором он предлагается слушателям, то есть текст понимается с точки зрения тех, кому он предназначен, что делает риторическую критику подходом, ориентированным на читателя (в первую очередь, речь идёт об оригинальной аудитории).

Итак, риторическая критика — это прагматический (читателецентричный) подход к тексту, уделяющий внимание средствам, при помощи которых оно оказывает определённое влияние на читателя. В рамках библейских исследований риторическая критика применяется прежде всего для изучения посланий или тех отрывков, которые содержат в себе речи¹⁸. Учёных интересует то, как и почему те или иные библейские тексты влияли на оригинальную аудиторию авторов. Например, Нагорная проповедь и Послание к Галатам, по мнению исследователей, имеют точки соприкосновения с судебной речью, а прощальная беседа Спасителя с апостолами в Ин. 13–17 — с эпидейктической. Анализ данных отрывков осуществляется с учётом законов функционирования этих ораторских жанров, а также риторической ситуации, в которой эти речи прозвучали.

3. Критика читательского отклика — это прагматический (читателецентричный) подход к тексту, акцентирующий роль читателя в процессе

- 17 *Aristoteles*. *Rhetorica* I, 3 [1358a:36 – 1358b:8] // *Aristotelis Ars Rhetorica* / ed. W. D. Ross. Oxford, 1959. [1964]. P. 13: «Ἔστιν δὲ τῆς ῥητορικῆς εἶδη τρία τὸν ἀριθμὸν <...> ὅστ' ἐξ ἀνάγκης ἂν εἴη τρία γένη τῶν ῥητορικῶν, συμβουλευτικόν, δικανικόν, ἐπιδεικτικόν». Рус. пер.: *Аристотель*. Риторика I, 3 // *Аристотель*. Риторика. Поэтика. Москва, 2000. С. 14.
- 18 См., например: *Burton M.* *Rhetoric and the New Testament*. Minneapolis (Minn.), 1989; *Kennedy G.* *New Testament Interpretation Through Rhetorical Criticism*. Chapel Hill (N. C.), 1984; *Robbins K.* *Jesus the Teacher. A Socio-Rhetorical Interpretation of Mark*. Philadelphia (Pa.), 1984.

чтения и формирования его смысла¹⁹. В конечном счёте именно читатель наделяет текст смыслом, поэтому в исследованиях представители данного направления изучают динамику процесса чтения, чтобы понять, как работает читательское восприятие и какие факторы обуславливают собой возникновение того или иного значения.

В отличие от риторической критики, которая пытается понять текст с точки зрения его первоначального предполагаемого читателя, критика читательского отклика ставит целью понять, как текст влияет на любого, у кого он оказался в руках.

Данное направление неоднородно. Оно включает в себя целый спектр подходов, каждый из которых определяет роль читателя по-своему. По-разному оцениваются факторы, влияющие на реакции читателя, а также различным образом рассматривается роль самого текста в определении этих реакций. Мы будем использовать ту классификацию подходов в рамках критики читательского отклика, которую предложил в своей работе М. Пауэл²⁰. Ориентируясь на светское литературоведение, он выделяет три группы теорий читательского отклика.

1) Читатель над текстом.

По мнению представителей этой группы, читатель доминирует над текстом, то есть он не ограничен ни авторским замыслом, ни структурой произведения, а потому значение произведения в определённой степени субъективно.

Со всей силой эта идея выражена в движении под названием **деконструкция**. Это крайняя реакция на структуралистский подход к тексту, согласно которому выявить подлинный смысл произведения можно при помощи лингвистического анализа. По словам Жака Деррида, тексты «деконструируют» себя, предлагая читателю бесконечное количество возможных значений²¹. В конечном счёте именно в этом и заключается

19 Здесь необходимо упомянуть такие ключевые работы как: *Detweiler R. Reader-Response Approaches to Biblical and Secular Texts*. Decatur (Ga.), 1985. (Semeia; 31); *Fowler R. Let the Reader Understand: Reader-Response Criticism and the Gospel of Mark*. Bloomington (Ind.), 1989; *McKnight E. Bible and the Reader: An Introduction to Literary Criticism*. Philadelphia (Pa.), 1985; *McKnight E. Post-Modern Use of the Bible: The Emergency of Reader-Oriented Criticism*. Nashville (Tenn.), 1988; *Resseguie J. Reader-Response and the Synoptic Gospel // JAAR*. 1984. № 52. P. 307–324; *Suleimann S. Varieties of Audience-Oriented Criticism // Suleimann S., Crossman I. The Reader in the Text: Essays on Audience and Interpretation*. Princeton (N.J.), 1980. P. 3–21.

20 См.: *Powell M. What is Narrative Criticism?* P. 16–18.

21 См.: *Detweiler R. Derrida and Biblical Studies*. Chico (Ca.), 1982. (Semeia; 23).

ценность подлинного литературного творения. Оно обладает потенциалом порождать неограниченное количество значимых эффектов. Однако это означает, что смысл текста не связан с опытом читателя. Именно по этой причине учёные-библеисты зачастую не рассматривают деконструкцию как одну из читателецентричных теорий²². Деконструкция стоит особняком от всех других направлений, описываемых при помощи коммуникативной триады.

Норман Холланд предложил подход, который назвал **транзактным анализом**. Он предпринимает попытку описать процесс чтения, используя методологическую базу и понятийно-терминологический аппарат психоанализа. Согласно теории Н. Холланда, процесс чтения и интерпретации в значительной степени обусловлены защитными реакциями, а также ожиданиями и мечтами-фантазиями читателя. Иными словами, читатель извлекает из произведения смысл, созвучный его индивидуальному опыту. И в итоге говорить о существовании у произведения универсального или единственно правильного значения не приходится²³.

Чтобы каким-то образом ограничить герменевтический релятивизм и семантическую анархию, которые являлись следствием чрезмерного акцента на фигуре читателя, Стэнли Фиш поставил вопрос о критериях верной интерпретации. Так возникла теория **интерпретативных сообществ**²⁴. Суть её сводится к тому, что реакции читателей на текст могут быть разными. Однако в рамках определённой группы, несмотря на разногласия в частностях, может всё же существовать некое согласие по ключевым вопросам. Иными словами, в рамках определённого сообщества может быть единая стратегия прочтения произведения, которая и устанавливает пределы толкования. Те реакции читателя, которые в эту стратегию не вписываются, то есть не принимаются интерпретирующим сообществом, являются неверными.

- 22 См.: *Longman T.* Literary Approaches to Biblical Interpretation. Grand Rapids (Mich.), 1987. P. 41–45.
- 23 См.: *Holland N.* The Dynamics of Literary Response. New York (N. Y.), 1968; *Holland N.* Five Readers Reading. New Haven (Conn.), 1975.
- 24 См.: *Fish S.* Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretative Communities. Cambridge (Mass.), 1980.

2) Читатель с текстом.

В эту группу вошли теории, согласно которым читателю в процессе чтения отводится более скромная роль. Читатель находится с текстом в диалектических отношениях. Смысл — результат этого взаимодействия.

Например, в своих ранних работах С. Фиш предложил модель **аффективной стилистики**. Согласно этому подходу, и текст, и читатель могут влиять друг на друга и даже трансформировать друг друга²⁵. В любой момент процесса чтения у читателя есть определённые выводы о том, что прочитано. На основании этого у него есть ожидания относительно того, что будет происходить дальше. Некоторые из этих ожиданий исполнятся, а некоторые нет. Если ожидания не исполняются, читатель вынужден пересматривать ранее сделанные выводы. Взаимодействуя с текстом, он постоянно приспосабливается к текущим изменениям в тексте, пересматривая свои реакции.

Схожий подход находим в теории Вольфганга Изера, которая получила название **феноменологическая критика**²⁶. Подобно С. Фишу, немецкий учёный рассматривает чтение как динамический процесс «предвосхищения, фрустрации, ретроспекции и реконструкции»²⁷. Однако, в отличие от С. Фиша, который сфокусировался на последовательном чтении строки за строкой, В. Изер заинтересован в том, как читатель воспринимает произведение в целом. По мнению исследователя, художественный текст — это реконструкция знакомого читателю мира в незнакомых формах. Эти незнакомые формы вступают в реакцию с сознанием читателя, стимулируют его воображение. В результате читатель восполняет их собственным опытом, словно заполняет пробелы, что и является причиной большого количества реакций, то есть прочтений.

3) Читатель в тексте.

В эту группу, по словам М. Пауэла, светское литературоведение включает структурализм и нарративный анализ, которые

25 См.: *Fish S. Literature in the Reader: Affective Stylistics // Self-Consuming Artifacts: The Experience of Seventeenth-Century Literature*. Berkeley (Ca.); Los Angeles (Ca.), 1972. P. 383–427.

26 См.: *Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore (Md.), 1978; *Iser W. The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett*. Baltimore (Md.), 1974.

27 *Powell M. What is Narrative Criticism?* P. 18.

в рамках библейских исследований рассматриваются скорее, как объективные (текстоцентричные), нежели прагматические (читателецентричные) подходы, а их методологии являются параллельными критике читательского отклика.

4. Нарративный анализ

Лингвистический поворот сподвиг исследователей проявить повышенный интерес к нарративу. Некоторые даже говорят о нарратологическом повороте, который был констатирован канадским учёным Мартином Крейсвортом в 1992 г., но произошёл гораздо раньше²⁸. Суть его заключается в том, что мир стал восприниматься всего лишь как рассказ о мире. Всё что мы знаем о действительности, мы знаем из рассказов о ней, а потому нарратив, как и язык, это некая среда, которая сопоставима с самой реальностью. Благодаря этим идеям возник и стал развиваться нарративный анализ литературного текста.

По замечанию М. Пауэла²⁹, здесь важно отметить, что, в отличие от структурализма, риторического анализа и критики читательского отклика, нарративный анализ развивался преимущественно именно в области библейских исследований. В светском литературоведении он рассматривается или как подвид новой риторической критики или как разновидность критики читательского отклика. В библеистике же нарративный анализ является самостоятельным движением, имеющим многих сторонников и последователей. В связи с этим необходимо сказать несколько слов об истории данного метода в контексте библейских исследований.

4. Нарративный анализ: история возникновения, основные идеи

Импульсом для применения нарративного подхода к библейскому тексту послужил общий интерес учёных к литературной организации Священного Писания, в первую очередь — к литературной организации Евангелий.

Уильям Бердсли в 1969 г. в работе «Литературная критика Нового Завета»³⁰ осудил исторический характер большинства библейских

28 См.: *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1 (10). С. 5.

29 См.: *Powell M.* What is Narrative Criticism? P. 19.

30 См.: *Beardslee W.* *Literary Criticism of the New Testament*. Philadelphia (Pa.), 1969.

исследований. По его словам, анализ жанровых форм должен давать не только представление о тех общинах, где они бытовали, но и том, какое влияние эти формы оказывали на верующих в силу своей литературной организации. Он предлагал сосредоточиться на анализе механизмов, с помощью которых та или иная литературная форма вовлекала читателя/слушателя в повествование и вызывала тот или иной отклик.

Кроме того, У. Бердсли призывал рассматривать Евангелие в его законченном виде как литературный памятник. Для учёного евангелисты — не просто редакторы, объединившие в единое целое разрозненный материал; они — полноценные авторы, которые несут полную ответственность за текст. В своей работе они обрабатывали сведения о Спасителе, используя приёмы, которые использует любой другой автор литературного произведения. Н. Перрин в статье, посвящённой авторству Евангелий³¹, в связи с этим отмечал:

«Это означает, что мы должны ввести в наши исследования совершенно новую категорию <...> категорию общей литературной критики. Если евангелисты являются авторами, то их необходимо изучать так же, как и других авторов»³².

Схожие идеи в 1974 г. высказывал и Ганс Фрай³³. При этом он делал акцент именно на повествовательном характере Евангелий. По его словам, ограниченность исторических подходов заключается в том, что они не принимают всерьёз нарративный характер Священного Писания. Говоря преимущественно о Евангелии, он отмечал, что это истории об Иисусе, а не сборники исторических сведений о Нём, поэтому произведения евангелистов необходимо читать как цельные истории, от начала и до конца. Они написаны именно для этого, а не для того, чтобы их препарировали на части с целью выявить историческую ценность отдельных фрагментов. Ведь подобная работа имеет результатом интерпретацию культурно-исторического и социального контекста и пренебрегает самой евангельской историей.

Впервые последовательный нарративный подход к анализу евангельского повествования продемонстрировали Дэвид Роадс (он же ввёл термин «нарративный анализ»³⁴) и Дон Мичи. В 1977 г. в Карфагенском

31 См.: *Perrin N.* The Evangelist as Author: Reflections on Method in the Study and Interpretation of the Synoptic Gospels and Acts // *BiblRes.* 1972. № 17. P. 5–18.

32 Цит. по: *Powell M.* What is Narrative Criticism? P. 3.

33 См.: *Frei H.* The Eclipse of Biblical Narrative: A Study in Eighteenth and Nineteenth Century Hermeneutics. New Haven (Conn.), 1974.

34 См.: *Rhoads D.* Narrative Criticism and the Gospel of Mark // *JAAR.* 1982. № 50. P. 411–434.

колледже (США) они организовали семинар, чтобы показать студентам, как можно читать Евангелие, как если бы они читали небольшой рассказ. Результатом этой работы стала публикация в 1982 г. монографии «Марк как рассказ»³⁵. В следующем году были опубликованы исследования Джека Кингсбери «Христология Евангелия от Марка»³⁶ и Алана Калпепера «Анатомия четвёртого Евангелия»³⁷, которые также следовали этому подходу. Несколько лет спустя Д. Кингсбери опубликовал результаты своего исследования нарратива Евангелия от Матфея, а Роберт К. Таннехилл — Евангелия от Луки и Деяний апостолов³⁸.

Нарративный анализ применяется не только к тексту Евангелия. В 1981 г. в Нью Йорке была опубликована книга Роберта Олтера «Искусство библейского повествования», оказавшая большое влияние на библейскую экзегезу. Р. Олтер первым дал систематическое описание библейского повествования на материале Ветхого Завета. Он описывает то, как рассказчик организует сцены; исследует функции диалога в повествовании; определяет цель повторений; выясняет, какая информация передаётся читателю, а какая скрывается от него; указывает на то, как автор вводит персонажей в историю и как они трансформируются по ходу развития сюжета. При этом Р. Олтер постоянно обращается к опыту мировой художественной литературы (сочинения Гомера, Рабле, Флобера, Ибн Эзры, Чарльза Диккенса и др.)

После краткого экскурса в историю нарративного метода обратимся к тем положениям повествовательной критики, которые помогут указать на её место среди других литературных подходов к Священному Писанию.

Как уже было сказано выше, подходы к анализу библейского текста можно систематизировать, используя модель литературной коммуникации. Историко-критический анализ располагается на оси репрезентации. Он ориентируется на полюс автора, а также на контекст: исследует, какие традиции собрал реальный автор/редактор, как он их интерпретировал и передал оригинальной аудитории, а также определяет различные внешние факторы, повлиявшие на эту интерпретацию.

35 См.: *Rhoads D., Michie D. Mark As Story: An Introduction to the Narrative of a Gospel.* Philadelphia (Pa.), 1982.

36 См.: *Kingsbury J. The Christology of Mark's Gospel.* Philadelphia (Pa.), 1983.

37 См.: *Culpepper A. Anatomy of the Fourth Gospel: A Study in Literary Design.* Philadelphia (Pa.), 1983.

38 См.: *Kingsbury J. Matthew as Story.* Philadelphia (Pa.), 1986; *Tannehill R. The Narrative Unity of Luke-Acts: A Literary Interpretation: in 2 vols.* Philadelphia (Pa.); Minneapolis (Minn.), 1986; 1990.

В отличие от него литературные подходы располагаются на оси коммуникации, которая связывает три полюса: автор — текст — читатель. По сути, в фокусе их внимания оказывается диада «текст — читатель». Различие между этими подходами обусловлено прежде всего жанрами текстов, а также их ответом на вопрос, кто «такой читатель»³⁹.

Так, структурализм сосредоточен на так называемом «компетентном читателе», который «видит» все внешние и глубинные структуры произведения (тексты могут быть любого жанра, как прозаического, так и поэтического). По этой причине представители этого направления сосредоточены исключительно на самом тексте и его структурной организации.

Риторическая критика заинтересована в оригинальном читателе (предполагаемом читателе), то есть той реальной исторической аудитории, к которой обращался автор. Её интересует, какое воздействие текст (в первую очередь, речи) оказывал на аудиторию и почему.

Критика читательского отклика работает с любым реальным читателем (а также читательским сообществом), который берёт в руки текст любого жанра и формирует в процессе чтения его смысл.

В отличие от них, нарративный анализ сосредоточен исключительно на повествовательных текстах, а также использует концепцию «подразумеваемого читателя». Это читатель, который предполагается самим повествованием⁴⁰. Ещё блж. Августин ставил вопрос, почему библейское повествование так избыточно и зачем оно уделяет такое пристальное внимание различным деталям, например: одежде, запахам, интерьеру или элементам экстерьера. Нарративный анализ отвечает: любое повествование построено так, чтобы произвести эффект на читателя. Отсюда главный вопрос, который ставится в рамках нарратологических исследований: при помощи каких сигналов текст производит на подразумеваемого читателя определённый эффект и подсказывает ему верную стратегию прочтения?

Важно отметить, что подразумеваемый читатель отличается от реального так же, как реальный автор от подразумеваемого. Схематично это можно изобразить следующим образом:

39 См.: *Kingsbury J.* Reflections on «The Reader» of Matthew's Gospel // NTS. 1988. № 34. P. 442–460; *Fowler R.* Who is «The Reader» in Reader-Response Criticism? // *Semeia*. 1985. № 31. P. 5–23.

40 См.: *Chatman S.* Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca (N. Y.), 1978. P. 149–150.

реальный автор — текст — реальный читатель

подразумеваемый автор — повествование — подразумеваемый читатель

Как мы видим, текст является одним из компонентов более крупной модели коммуникации, но в то же время он содержит в себе все три компонента. Нарративный анализ сосредоточен не на внешней модели коммуникации, а на внутренней, представленной в самом тексте. Это делает нарративный анализ, с одной стороны, подходом, ориентированным на текст (объективным) подобно структурному, с другой, ориентированным на читателя (прагматическим) подобно критике читательского отклика.

Кроме того, нарративный анализ для понимания текста не нуждается в реконструкции знаний, которыми обладала оригинальная аудитория автора (как, например, в риторической критике). Для него достаточен лишь тот читательский кругозор, на который ориентировано само повествование. В этом смысле нарративный анализ обладает большей степенью автономности. Ведь для правильного понимания смысла текста, достаточно самого текста, в котором уже присутствуют и автор, и читатель. Именно в подразумеваемом читателе, по словам Д. Кингсбери, «замысел текста всегда достигает реализации»⁴¹. Таким образом, цель повествовательной критики — прочитать текст не так, как его могла бы прочитать оригинальная аудитория, а так, как его читает подразумеваемый читатель. Для этого необходимо обладать теми знаниями, которые предлагает само повествование, а порой и забыть все то, о чем подразумеваемый читатель не подозревает. То есть «критик должен задавать вопросы, которые, как предполагает текст, задает читатель, но не должен отвлекаться на вопросы, которые предполагаемый читатель не задает»⁴². Необходимо при этом отметить, что подразумеваемый читатель — это гипотетическая фигура. Это тот, кто сможет понять повествование во всей его полноте. Очевидно, что подобная цель в каком-то смысле является недостижимой. Однако она задает определенные критерии интерпретации: на тот или иной вариант прочтения истории можно всегда задать вопрос, насколько подобное прочтение возможно с точки зрения подразумеваемого читателя.

41 *Kingsbury J. Matthew as Story. Philadelphia (Pa.), 1986. P. 38.*

42 *Powell M. What is Narrative Criticism? P. 20.*

Выводы

Итак, подведём итоги. Нарративный анализ относится к группе подходов к священному Писанию, которые противостоят историческим и объединяются под названием «литературные подходы». В отличие от исторической критики, которая видит свою цель в том, чтобы реконструировать реальность за текстом, литературный анализ сосредоточен в первую очередь на самом тексте.

Подобно структурному анализу, нарративная критика ориентирована на текст, то есть является в определённой степени объективным подходом к литературе. Однако, в отличие от структурализма, здесь не уделяется такого внимания глубинным структурам, которые пронизывают текст на разных уровнях. Основной фокус исследователей сосредоточен на линейном развитии повествования. В задачу нарратолога входит не дешифровка глубинных структур, а выявление нарративных стратегий, которые используются в рассказе ради воздействия на читателя. С точки зрения структурализма, читатель закодирован в тексте; с точки зрения нарративного анализа, читатель предполагается текстом. Таким образом, нарративный анализ, в отличие от структурного, является не только объективным, но и прагматическим подходом.

Подобно риторической критике нарративный анализ также заинтересован в том, чтобы выявить влияние работы на читателя, и в объяснении того, почему она имеет такой эффект. Однако если риторическая критика говорит о реальной аудитории авторского послания, то нарративный анализ использует концепцию подразумеваемого читателя, который представлен уже в самом тексте. Различия касаются и самого представления о предмете исследования. Нарративный анализ сосредоточен не на риторике убеждения, а на риторике повествования, то есть на тех речевых приёмах, которые заставляют понимать рассказ определённым образом⁴³.

Наконец, много точек соприкосновения нарративный анализ имеет с критикой читательского отклика. Оба подхода интересуются тем,

43 Уэйн Бут в работе «Риторика беллетристики» (см.: *Boot W. The Rhetoric of Fiction. Chicago (Ill.), 1983*) предлагает форму риторической критики, которую можно использовать для изучения романов. В светском литературоведении подобный подход к повествованию признаётся формой риторической критики. В библейской науке подход У. Бута будет считаться разновидностью нарративного анализа. Также разнообразные риторические подходы, в том числе, к повествовательным текстам подробно описаны в монографии В. В. Смолененковой «Основы риторической критики». См.: *Смолененкова В. В. Основы риторической критики. Москва, 2018.*

как взаимодействуют читатель и текст. Однако нарративный анализ сосредоточен на способах, которыми текст определяет реакцию подразумеваемого читателя, а метод читательского отклика — на способах, которыми читатель (зачастую реальный) определяет значение текста. В этом случае нарративный анализ является в большей степени объективным подходом, нежели чисто прагматические теории читательского отклика.

Для удобства помещаю выводы предложенного обзора в таблицу.

ось репрезентации	исторический подход				
	направления исторического анализа	методы исторического анализа			
	миметический (контекст) экспрессивный (автороцентричный)	критика источников, критика традиций, критика форм, критика редакций			
ось коммуникации	литературный подход				
	направления литературного анализа	методы литературного анализа	жанр текста	концепция читателя	предмет исследования
	объективный (текстоцентричный)	структурализм	любой	«компетентный» читатель	глубинные структуры произведения
		нарративный анализ	нарратив	«подразумеваемый» читатель	стратегии воздействия повествования на подразумеваемого читателя
	прагматический (читателецентричный)	риторический анализ	речи	оригинальная аудитория	стратегии воздействия речи на оригинального читателя
критика читательского отклика		любой	любой реальный читатель	стратегии восприятия произведения читателем	

Источники

- Aristoteles*. *Rhetorica* // *Aristotelis Ars Rhetorica* / ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1959. [1964]. P. 1–191. [1354a1 – 1420a8].
- Augustinus Hipponensis*. *Confessiones* // PL. T. 32. Col. 659–869.
- Cicero*. *Ad M. Brutum Orator* // *Cicero*. *Orator ad M. Brutus* / ed. K. W. Piderit. Leipzig: Teubner, 1876. P. 31–151.
- Ephraem Syrus*. In *Genesim commentarii* // *Sancti Ephraem Syri* in *Genesim et in Exodum commentarii* / edidit R.-M. Tonneau. (CSCO; vol. 152. *Scriptores syri*; t. 71). P. 1–121.
- Ephraem Syrus*. In *Genesim commentarii* // *Sancti Ephraem Syri* in *Genesim et in Exodum commentarii* / interpretatus est R.-M. Tonneau. (CSCO; vol. 153. *Scriptores syri*; t. 72). P. 1–103.
- Gregorius Nazianzenus*. *Oratio XXX. Theologica quarta. De Filio* // PG. T. 36. Col. 104C–133A.
- Hieronymus*. *Interpretatio Chronicae Eusebii Pamphili cui subjecta sunt continenter fragmenta quae exstant operis graeci* // PL. T. 27. Col. 33–40A.
- Августин, блж.* *Исповедь* / пер. М. Е. Сергеевко. Санкт-Петербург: Наука, 2013. (Литературные памятники).
- Аристотель*. *Риторика* / пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко // *Аристотель*. *Риторика. Поэтика*. Москва: Лабиринт, 2000. С. 5–148.
- Григорий Богослов, свт.* *Слово 30, о богословии четвёртое, о Боге Сыне второе* // *Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского*. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд. П. П. Сойкина, [1912]. С. 429–444.
- Ефрем Сирин, прп.* *Толкование на книгу Бытия* // *Ефрем Сирин, свт.* *Творения*. Т. 6. Москва: Отчий дом, 1995. [Сергиев Посад: СТСЛ, 1901]. С. 205–337.
- Марк Туллий Цицерон*. *Три трактата об ораторском искусстве* / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1972.
- Цицерон*. *Оратор*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777005#065> (дата обращения: 27.03.2023).

Литература

- Лехциер В. Л.* *Нарративный поворот и актуальность нарративного разума* // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1 (10). С. 5–8.
- Смолененкова В. В.* *Основы риторической критики*. Москва: Форум, 2018.
- Abrams M. H.* *The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition*. New York (N. Y.): W. W. Norton, 1958.
- Alter R.* *The Art of Biblical Narrative*. New York (N. Y.): Basic Books, 1981.
- Barton J.* *Classifying Biblical Criticism* // *JSOT*. 1984. № 29. P. 19–35.
- Beardslee W.* *Literary Criticism of the New Testament*. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1969.
- Boot W.* *The Rhetoric of Fiction*. 2d ed. Chicago (Ill.): University of Chicago Press, 1983.

- Burton M.* Rhetoric and the New Testament. Minneapolis (Minn.): Fortress Press, 1989.
- Chatman S.* Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1978.
- Detweiler R.* Derrida and Biblical Studies. Chico (Ca.): Scholars Press; The Society of Biblical Literature, 1982. (Semeia; № 23).
- Culpepper A.* Anatomy of the Fourth Gospel: A Study in Literary Design. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1983.
- Detweiler R.* Reader-Response Approaches to Biblical and Secular Texts. Decatur (Ga.): Scholars Press, 1985. (Semeia; № 31).
- Fish S.* Literature in the Reader: Affective Stylistics // Self-Consuming Artifacts: The Experience of Seventeenth-Century Literature. Berkeley (Ca.); Los Angeles (Ca.): University of California Press, 1972. P. 383–427.
- Fish S.* Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretative Communities. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980.
- Fowler R.* Let the Reader Understand: Reader-Response Criticism and the Gospel of Mark. Bloomington (Ind.): Indiana University Press, 1989.
- Fowler R.* Who is «The Reader» in Reader-Response Criticism? // Semeia. 1985. № 31. P. 5–23.
- Frei H.* The Eclipse of Biblical Narrative: A Study in Eighteenth and Nineteenth Century Hermeneutics. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1974.
- Holland N.* The Dynamics of Literary Response. New York (N. Y.): W. W. Norton, 1968.
- Holland N.* Five Readers Reading. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1975.
- Iser W.* The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett. Baltimore (Md.): Johns Hopkins University Press, 1974.
- Iser W.* The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore (Md.): Johns Hopkins University Press, 1978.
- Kennedy G.* New Testament Interpretation Through Rhetorical Criticism. Chapel Hill (N. C.): University of North Carolina Press, 1984.
- Kingsbury J.* The Christology of Mark's Gospel. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1983.
- Kingsbury J.* Matthew as Story. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1986.
- Kingsbury J.* Reflections on «The Reader» of Matthew's Gospel // NTS. 1988. Vol. 34. Iss. 3. P. 442–460.
- Kugel J. L.* The Idea of Biblical Poetry: Parallelism and Its History. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1981.
- Longman T.* Literary Approaches to Biblical Interpretation. Grand Rapids (Mich.): Zondervan, 1987.
- Lowth R.* Lectures on the Sacred Poetry of the Hebrew. London: T. Tegg and Son, 1835.
- McKnight E.* Bible and the Reader: An Introduction to Literary Criticism. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1985.
- McKnight E.* Post-Modern Use of the Bible: The Emergency of Reader-Oriented Criticism. Nashville (Tenn.): Abington Press, 1988.
- Muilenburg J.* Form Criticism and Beyond // Journal of Biblical Literature. 1969. № 1 (88). P. 1–18.

- Patte D.* The Gospel According to Matthew: A Structural Commentary on Matthew's Faith. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1987.
- Patte D.* Structural Exegesis for the New Testament Critics. Minneapolis (Minn.): Fortress Press, 1989.
- Perrin N.* The Evangelist as Author: Reflections on Method in the Study and Interpretation of the Synoptic Gospels and Acts // *BiblRes.* 1972. № 17. P. 5–18.
- Petersen N.* Literary Criticism for New Testament Critics. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1978.
- Powell M. A.* What is Narrative Criticism? Minneapolis (Minn.): Fortress Press, 1990.
- Powell M. A.* Types of Readers and Their Relevance for Biblical Hermeneutics // *TSR.* 1990. № 12. P. 19–34.
- Resseguie J.* Reader-Response and the Synoptic Gospel // *JAAR.* 1984. № 52. P. 307–324.
- Rhoads D.* Narrative Criticism and the Gospel of Mark // *JAAR.* 1982. № 50. P. 411–434.
- Rhoads D., Michie D.* Mark as Story: An Introduction to the Narrative of a Gospel. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1982.
- Robbins K.* Jesus the Teacher. A Socio-Rhetorical Interpretation of Mark. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1984.
- Suleimann S., Crossman I.* The Reader in the Text: Essays on Audience and Interpretation. Princetone (N. J.): Prencetone University Press, 1980.
- Tannehill R.* The Narrative Unity of Luke-Acts: A Literary Interpretation. Vol. 1: The Gospel According to Luce. Philadelphia (Pa.): Fortress Press, 1986.
- Tannehill R.* The Narrative Unity of Luke-Acts: A Literary Interpretation. Vol. 2: The Acts of the Apostles. Minneapolis (Minn.): Fortress Press, 1990.